

ВИКТОРИЯ ВАШИНГТОН

ИСКРЫ ЛЕТНЕГО КОСТРА

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84-4(2Рос=Рус)
В23

Вашингтон В.

В23 Искры летнего костра / В. Вашингтон — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 244 с.

ISBN 978-5-521-90275-0

Стать вожатой в лагере и получить в напарники парня, которого по моей вине бросила девушка. Так могло повезти только мне. Надежда лишь на то, что я достаточно изменилась за эти годы и он меня не узнает. Но это было бы слишком просто. Этот месяц будет жарким.

BIC FR
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-90275-0

© Акили, 2023
© Токарева М., обложка, верстка, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ПРОЛОГ

— Егор, здравствуй! — моя бабушка окликает широкоплечего брюнета. — Я так рада, что ты согласился прийти на помощь! Моей благодарности нет предела!

— Что Вы, Ираида Кирилловна, — раздаётся хриплый мужской голос, когда его обладатель оборачивается к нам. — Как я мог остаться в стороне?

Он смотрит на неё, лучезарно улыбаясь, и, кажется, можно физически ощутить тепло, исходящее от этой улыбки. Поражает бабушка, которая буквально по-родственному заключает парня в свои объятия.

Но замираю с открытым ртом и ошарашенным взглядом я по совершенно другой причине. Без труда идентифицирую в этом парне Егора Холодова и буквально ощущаю холодок, пробегающий по телу. Не шевелюсь в страхе, что прямо сейчас его взгляд падёт на меня, и в его карих глазах также ошибочно увижу мгновенную узнаваемость.

Но этого не происходит ни в следующую секунду, ни в следующую минуту.

Его взгляд и правда *«поднимается»* по моему телу и встречается с испуганными серыми глазами. И взрыв, который я уже ощущала кожей, не происходит. Ничего не происходит.

Только моё сердце продолжает стучать так сильно, будто способно пробить грудную клетку вдребезги.

Бабушка к этому моменту уже прекращает нежности.

— Познакомьтесь, ребята, — улыбается она. — Егор — это Майя. Майя — это Егор. Целый месяц вам предстоит в паре работать вожатыми, и я надеюсь, что вы найдёте общий язык.

«Ох, ба, кажется, ты крупно ошибаешься» — думаю, пытаюсь собрать мысли в кучу и отыскать свой «проглоченный» язык.

— Майя Валерьевна, — воинствующе заявляю, скрещивая руки на груди.

— Вот как, — уголки его губ по-прежнему приветливо приподняты, а значит, он и правда не узнал меня. Но во взгляде играют какие-то хитринки, что заставляют усомниться в собственных умозаключениях. — Приятно познакомиться, Майя.

Нарочно ведь не произносит моё отчество.

— Мне казалось, что вы можете быть знакомы. В детстве же часто отдыхали в одной смене, правда, в разных отрядах.

Напряжённо замираю. Не хватало, чтобы после этих слов Холодов узнал во мне ту, которая несколько лет назад разрушила его отношения с девушкой.

— Не припоминаю, — Егор пожимает плечами, но смотрит на меня так, будто бессовестно врёт. — Такую, как она, я бы точно запомнил.

Одновременно ощущаю облегчение и злость. В голове возвращаюсь к тем детским переживаниям, через которые мне пришлось пройти из-за Холодова. Такое точно не забудешь. А он, оказывается, давно вычеркнул ту историю из своей памяти? Впрочем, как и меня в целом? Бесспорно, эта новость неприятно царапает душу и самооценку.

1

За несколько часов до...

Лучи июньского солнца настойчиво проникают в салон автобуса через толстое, широкое стекло. Наслаждаюсь музыкой, что льётся в уши через беспроводные наушники-капельки, но меня никак не покидает ощущение, что они вот-вот выпадут и затеряются под сиденьями. Всё-таки, мне куда больше по душе самые обычные, проводные. Но подарок есть подарок.

Суета наполненного и кишашего жизнью города с офисными планктонами, опаздывающими на работу в длиннющих пробках, сменяется видом бескрайней трассы и цветущей зелёной лесополосы. Расслабляюсь ещё больше, вдыхая полной грудью — начинается моя любимая часть поездки. Бросаю взгляд на электронные часы, висящие в салоне. Отлично. Ещё целых три часа прекрасной музыки и вдохновляющих пейзажей впереди.

Ещё с детства я ощущала радостное облегчение, как только отцовская машина выезжала за пределы тесного города. Ждала с замиранием сердца этих поездок и заканчивала каждый учебный год на одних десятках, лишь бы поездка к бабушке не отложилась и не отменилась. Сложно назвать ту местность, где живёт бабушка, деревней. Совсем не возникает никакой ассоциации с этим. Вот только то, что небольшой городишка окружён сосновым лесом, горами и бескрайним го-

лубым озером, которое до сих пор вызывает во мне неописуемый восторг, не даёт возможности назвать местность полноценным городом. Скорее, курортным местечком, о котором неизвестно туристам.

Помню в детстве, люди ездили сюда намного охотнее, и прибыль у местных выходила приличная как раз благодаря отдыхающим. Но с годами всё кардинально поменялось, и поток людей резко сократился, а потом и вовсе сошёл на нет. Исключением были лишь путешественники, случайно забредшие в эти края, или семьи, что приезжают сюда из года в год и не хотят изменять привычкам.

Сердце учащённо отзывается в груди, когда понимаю, что до точки назначения осталось всего полчаса езды.

Ровно семь лет прошло с моей последней поездки к бабушке, у которой раньше проводила абсолютно каждое лето. Тогда мне было пятнадцать лет, и я даже представить не могла, что семейное счастье моих родителей рухнет в один момент и поставит огромнейшую точку на наших поездках к бабушке.

Сама бабушка — Ираида Кирилловна — в гости никогда не частила и приезжала лишь дважды — отметить с нами Новый год и Рождество. Будучи заведующей детского лагеря, сколько себя помню, она всегда была погружена в важные дела и проблемы, требующие срочного решения.

Лагерь, можно сказать, — детище всей её жизни и, собственно, главная причина, по которой автобус везёт меня в давно забытые края.

Просьба бабушки побыть месяц вожатой изначально вызвала отторжение и ввела в шок. Ну какая из меня вожатая? Как единственный ребёнок в семье, я могла спокойно отнести себя к истинным эгоистам. Да и к детям всегда относилась

ровно. Чужие малыши и фото нежных карапузов в ленте никогда не вызывали во мне умиления, а вот на капризы и закидоны детей маминых подруг всегда обращала внимание, потому что это раздражало. Ехать самой чёрт знает куда, чтобы месяц заниматься воспитанием чужих спиногрызов, ощутивших полную свободу? Нет уж, увольте. Я прекрасно помню, как мы вели себя в этом возрасте в этом же лагере. Там молодым вожатым к концу смены спокойно можно было покупать абонемент к психологу, чтобы подлечить расшатанные нервы и разобраться в причинах депрессии.

Только после моего однозначного отказа мама рассказала о том, что бабушка в последнее время чувствует себя плохо и, видимо, ей правда сейчас как никогда нужны помощь и поддержка. В груди екает, потому что Ираида Кирилловна — это не тот человек, который признаётся в своей слабости, если дело не будет критическим. Она всегда всё держит в своих крепких руках и никогда не просит помощи.

2

Именно так я решаю сбежать от насущных городских проблем в место, которое всегда ассоциируется у меня с вечным летом, теплом и уютом.

Как только выхожу из автобуса, вдыхаю свежий воздух полной грудью. Здесь даже дышится по-другому. Глубже. Приятнее.

Качу чемодан по знакомым улицам и понимаю, что за долгие семь лет многое изменилось. Из невзрачных хибарок многие отстроили солидные дома с верандами, высадили яркие, красивые сады и газоны.

Всё и правда заиграло новыми красками дороговизны. Как только дохожу до нужного дома, замираю в полном ошеломлении. Семь лет назад всё точно было совсем иначе, и я не могу поверить, что бабушка собственными силами добилась такой красоты. Полностью обновлённый фасад двухэтажного дома, каменные тропинки, проложенные к дому, заднему саду и цепляющему взгляд искусственному пруду.

— Ну что стоишь, как не родная? — доносится со спины, из-за чего я тут же оборачиваюсь.

Бабушка совсем не меняется с годами. Как всегда, выглядит очень серьёзной. Приталенное деловое тёмно-синее платье сидит по фигуре, которая не портится с годами, а пухлые губы привычно подведены бордовой помадой. Никогда бы не дала

этой женщине больше пятидесяти лет, а ведь её дочери уже почти исполнилось сорок.

— Бабуля, — нежно улыбаюсь, а в груди тут же распространяются трепет и тепло.

Шагаю навстречу и заключаю её в крепкие объятия. Она, как всегда, кричит, чтобы я не разводила нюни, но вопреки этому обнимает в ответ.

Сколько помню, она всегда такая — держится на расстоянии и никогда не проявляет сильных тёплых чувств.

— Пойдём в дом, — она отстраняется и поправляет свою шляпу — в её арсенале их бесчисленное количество. — Сегодня солнце не щадит никого.

Погода и правда палящая, сильно разнится на контрасте с городской прохладой.

Аккуратно ступаю по тропинке прямо к дому и ойкаю, как только его двери распахиваются передо мной. Кто-то, а бабушка точно знает толк в стиле. Минимализм, светлые тона и огромные окна, через которые в просторные комнаты проникает яркий солнечный свет.

— Вижу, тебе точно было чем заняться эти года, — разубаиваюсь и тут же всовываю ноги в мягкие комнатные тапочки, которые ставит передо мной бабуля.

Честно, всегда терпеть не могла ходить по дому в тапочках. Да и не принято такое в нашей семье. Но у бабушки бзик по этому поводу, поэтому приходилось смириться и пойти на уступки. В детстве каждый год она покупала мне тапочки по размеру — то с единорогами, то с медведями, то с принцессами. Лишь бы я не устраивала истерики и забастовки, щеголяя по дому босыми ступнями.

— Рада, что смогла впечатлить, — отзывается она, приглашая на кухню и заваривая нам чай.

Чая, как всегда, на любой вкус. Причём что покупного, что засушенного вручную.

— Завтра в восемь уже нужно быть на месте, — тут же начинает разговор о работе. — Поэтому нас ждёт ранний подъём.

До лагеря пешком полчаса ходьбы, но бабуля продвинутая и уже лет двадцать отдаёт предпочтение собственной машине.

— Группа у тебя будет хорошая, десятилетки, объясняет, пока я вдыхаю аромат свежесваренного напитка. — И с напарником, конечно, завтра тоже познакомишься.

Молча киваю — куда уже деваться с подводной лодки? Остаётся надеяться, что им окажется не пожилой старичок, который будет рассказывать о своих внуках, и не закалённый мужичок с армейскими шуточками. В моём детстве что те, что те присутствовали на посту вожатых.

— Как мама? — спрашивает, после того как советы и наставления подходят к концу.

— Хорошо, — кратко пожимаю плечами.

— Слыхала, что Валерка нарисовался на горизонте, — упоминает имя моего отца. — Не нравится мне это.

Глушу в себе огонёк грусти и делаю вид, что её слова совсем не задевают ничего в моей душе.

— Их жизнь. Я не лезу туда.

Она сканирует меня внимательным взглядом и, будто не увидев ничего интересного, кивает своим мыслям.

— Твоей матери давно пора начать жить новой жизнью, а не ещё больше погружаться в одну лишь карьеру, — подытоживает.

— Возможно, — отдалённо отвечаю, давая понять, что мне неинтересна эта тема.

На самом же деле, она просто до сих пор слишком отзывается внутри меня рваной кровоточащей раной. Именно по-